Чурило и жена Пермяты

Выпадала пороха да снегу белого,
Как не во пору порошиця, не во́времё,
Как серёдка-та лета — да о Петрова дни.
Как по етой по порохи да не ушкан скакал,
Не ушкан тут скакал, не горностай рыска́л —
А бежал тут Чурило да бладо Клёнкович
К молодой ле жене да ко Пермякиной.
Заходил ле он к ней да в светлу спаленку,
Он розулса-розделсэ да по-домашнему:
Уж одежду-ту све́шал да он на грядоцьку,
Уж как шапочку, рукавочку да на лавочку,
А сафьянны-ти сапожки да под кроваточку.
Заходила тут девушка-чернавушка,
Молода-то Пермякина служаночка:
«Уж ты ґой еси, Чурило да бладо Клёнкович!
Ты чужу пашню пашёшь, да своя так стоит,
Ты чужу жо́ну любишь, да сво́я так живёт!
Я пойду же тепере да Перьметы́ скажу». —
«Не ходи-ко ты, девушка, да не сказывай.
Я куплю тебе башма́чки да позолочены,
Чтобы стоили они да в пятьдесят рублей!» —
«Мне не надо башма́чки да позолочены,
Я пойду же тепере да Перьметы́ скажу!» —
«Не ходи-ко ты, девушка, да не сказывай,
Я куплю тебе шубейку да во пятьсот рублей!» —
«Мне не надо твоя шубка-фуфаечка,
Мне дороже всего да правда-истина!»
Побежала она да Перьметы́ сказать:
«Ах, Перьме́та ле ты да сын Васильевич!
Заскочил к тебе конь да в зелены сады,
Уж как топчёт твою да шолкову́ траву!»
А на ето Перьме́та да был догадливой,
Ухватил он со стены да остру сабельку́,
И забежал он к жене да в нову спаленку
(спуталась!)

И срубил он Чуриле да буйну голову.
«Ах, ты кайсе-ко, баба, да во перво́м грехе,
Я прощу твою вину ещё великую!»
Говорила жона да таковы слова:
«Где бела лебе́дь лежит, пусть легёт лебёдушка!»
И срубил он жене да буйну голову.

(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Рочевой Полины Никитичны, 39 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.